

Е. И. БАЛАВИН

ДАЛЕКОЕ
И БЛИЗКОЕ
СТАРОЕ И НОВОЕ

Евгений Иванович Балабин
Далекое и близкое,
старое и новое

Серия «Россия забытая и неизвестная»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589905

*Е.Балабин. Далекое и близкое, старое и новое: Центрполиграф; Москва;
2009*

ISBN 978-5-9524-3718-0

Аннотация

Мемуары Е.И. Балабина «Далекое и близкое...» рисуют историю дворянского рода Балабиных, этапы становления кадрового офицера, донского казака: кадетский корпус в Новочеркасске, Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, служба в кавалерии. Суровые испытания и трагедия русского офицерства после 1917-го, преданность своим идеалам на службе России, в том числе за ее пределами, скитания по чужой земле (Турция, Чехословакия, Австрия, Чили) – все пережитое автором поможет читателю глубже понять наше непростое прошлое. Книга является 68-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием. Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной

историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	20
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Евгений Балабин

Далекое и близкое, старое и новое

Серия «Россия забытая и неизвестная» основана в 2000 году, первая книга вышла в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собраниа

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в Россию стало возвращаться имя еще одного белого генерала – Евгения Ивановича Балабина¹ (1880 – 1973). Его имя – в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» и справочнике «Офицеры Российской гвардии», подготовленных одним из ведущих отечественных специалистов по истории Белого движения С.В. Волковым. Генерал Е.И. Балабин неоднократно упоминается в монографии московского историка Ю.С. Цурганова «Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне», а также во 2-м выпуске сборника «Материалов по истории Русского Освободительного Движения» под редакцией А.В. Окорочкова. Однако едва ли кто-то из отечественных историков знал о том, что существуют воспоминания самого генерала Е.И. Балабина в машинописном варианте, написанные им в конце 50-х годов уже прошлого, XX века в Чили, когда наиболее яркая и активная часть жизни казачьего генерала уже осталась позади и можно было в спокойной обстановке перебрать в памяти основные события своей долгой жизни.

Как и большинство мемуаристов, генерал Балабин начинает свое повествование с истории своей семьи, ограничиваясь, правда, XIX веком, хотя дворянский род Балабиных был известен Царю Петру I. Помимо детских воспоминаний

и впечатлений, автор подробно и с большой любовью описывает имение своих родителей. Читатель невольно будет сравнивать эти страницы книги генерала Балабина с описаниями казачьих усадеб в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». В этом отношении мемуары Е.И. Балабина пополняют ряд появившихся в 90-х годах прошлого века произведений других авторов – казаков, оставивших описания казачьего быта, природы и драматических и трагических событий Гражданской войны 1918 – 1920 годов на Дону, в частности, профессора Н.В. Федорова «От берегов Дона до берегов Гудзона» и доктора Н.А. Келина «Казачья исповедь». Оба автора – из донских казаков.

Однако генерал Балабин не ограничивается описанием казачьего быта и уклада жизни, он рисует быт соседей донских казаков – калмыков. В этом – несомненная новизна мемуаров.

По семейной традиции, в соответствии с которой мужчинам полагалось воинское поприще, будущий генерал поступил в Донской кадетский корпус, а по его окончании – в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, неофициально именовавшееся «славной гвардейской школой». И снова заинтересованный читатель сможет сравнить описание службы юнкеров в Императорской России в мемуарах Е.И. Балабина с произведениями таких известных авторов, как генерал П.Н. Краснов² и писатель А.И. Куприн.

Несомненную ценность представляют те страницы воспо-

минаний генерала Балабина, которые посвящены службе в рядах лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка. Читатель обратит внимание, что среди сослуживцев будущего генерала – знаменитые П.Н. Шатилов и И.Н. Оприц¹.

Интересны воспоминания генерала Балабина о Великой войне 1914 – 1918 годов, которую в России называли Второй Отечественной, по аналогии с Отечественной войной 1812 года против наполеоновской Франции.

На начальном этапе Гражданской войны, когда генерал Балабин оказался на Дону, он встречался с такими известными своими земляками, как атаманы А.М. Каледин³ и П.Н. Краснов, а также генералами Ф.Ф. Абрамовым⁴ и П.Х. Поповым⁵, сыгравшими значительную роль в истории Гражданской войны и русского зарубежья. Читаешь страницы, посвященные событиям конца 1917 – начала 1918 года, и невольно вспоминаются произведения советских писателей, более или менее объективно описывавших те же самые события – М.А. Шолохов в упоминавшемся уже романе «Тихий Дон» и А.Н. Толстой в трилогии «Хождение по мукам».

Можно сказать, что в 1918 году в жизни Е.И. Балабина наступил первый «звездный час». Сначала он командовал казачьими частями, сражавшимися против красных у Ново-

¹ См. примечание 16, с. 269.

черкаска, затем стал членом Войскового Круга² и Донского правительства. Еще раньше, приехав на Дон из Петрограда, свое первое назначение на фронт разгорающейся Гражданской войны он получил от атамана А.М. Каледина. Генерал Балабин пишет, как в Новочеркаске, когда город был занят красными казаками Голубова, ему приходилось скрываться у незнакомых людей. Генерал П.Н. Краснов, единогласно избранный Кругом Спасения Дона Войсковым Атаманом, предложил генералу Е.И. Балабину возглавить Управление коневодства, поскольку у генерала был опыт коннозаводчика. Весной 1920 года генерал Балабин вместе со своей семьей более или менее благополучно эвакуировался из Новороссийска в Турцию. Так в жизни генерала закончился первый «звездный час». Интересно отметить, что такой авторитетный историк Гражданской войны, как Н.Н. Рутыч (Рутченко)⁶, не стал включать в свой «Библиографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России» генерала Е.И. Балабина на том основании, что в 1917 – 1920 годах он не занимал строевых должностей и не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Как следует из воспоминаний самого генерала, участие в боях он принимал. В этом также можно удостовериться в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» С.В. Волкова.

² Здесь и далее в наименованиях исторических реалий в тексте сохраняется их традиционное написание. (Примеч. ред.)

В Турции генерал Балабин жил в Константинополе. Оттуда он выезжал на остров Лемнос, где изучал условия пребывания русских беженцев. Предполагаемая поездка в Крым осенью 1920 года сначала была отложена, а потом оказалась невозможной в связи с прорывом советских войск в Крым.

Пробыв в Турции около двух лет, генерал Балабин вместе со своей семьей уехал в Чехословакию. Начав работать воспитателем в русской гимназии еще в Константинополе, генерал Балабин и в последующие годы продолжал занимать эту должность и в русской гимназии в Моравской Тржебове³, которая считалась одним из лучших учебных заведений русского зарубежья.

В 1920 – 1930-х годах генерал находился в тени. Его бывшие сослуживцы из числа лейб-казаков, те, с кем вместе он боролся против красных на Дону, играли активную роль в русском зарубежье, и имена их были в те годы у всех на слуху. Генерал от кавалерии П.Н. Шатилов⁷ в течение ряда лет возглавлял 1-й отдел Русского Обще-Воинского Союза⁴. Генерал-майор И.Н. Оприц написал фундаментальный труд

³ В написании этого топонима встречаются разночтения. Наиболее распространено в воспоминаниях русских эмигрантов написание «Моравска Тржебова», этот русифицированный вариант мы и принимаем в качестве основного как самый частотный (нормативным является написание «Моравска-Тржебова», однако русское языковое сознание стремится к разделению этого слитного наименования на два компонента по модели словосочетания). (*Примеч. ред.*)

⁴ Этот Союз, существующий и ныне, в 2008 году, сохраняет в наши дни сложившийся ранее орфографический облик своего названия. (*Примеч. ред.*)

«Лейб-гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и Гражданской войны 1917 – 1920». Генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов в течение многих лет возглавлял 3-й отдел Русского Обще-Воинского союза. Е.И. Балабин знал генералов А.П. Богаевского⁸, графа М.Н. Граббе⁹, П.Х. Попова, которые были атаманами Всевеликого войска Донского в изгнании. Причем к П.Х. Попову Е.И. Балабин испытывал явную антипатию, в то время как к А.П. Богаевскому и графу М.Н. Граббе он относился, как свидетельствуют мемуары, не без симпатии.

Не менее интересные воспоминания оставил генерал Балабин о тех русских людях, с которыми свела его судьба в Чехословакии. Это и коллеги, педагоги, православные священники, и его питомцы – гимназисты, офицеры. Тепло вспоминает генерал Балабин пражского архиепископа владыку Сергия, русского офицера К.А. Ившина, донского казака Ф.М. Ерохина и многих-многих других.

К началу Второй мировой войны большинство знакомых Балабина из числа казачьих генералов Всевеликого войска Донского, сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку, были людьми весьма почтенного возраста и потому не смогли активно участвовать в этой войне, тем более что в русском зарубежье, особенно среди казачества, были сильны надежды на то, что советскую власть удастся свергнуть с помощью нацистской Германии. С начала советско-германской войны генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, считавший себя пре-

емником скончавшегося в 1934 году атамана А.П. Богаевского, обратился к казакам с призывом поддержать Германию. Он начал формировать свой штаб, но в силу преклонного возраста скончался в 1942 году, не успев реализовать намечаемое. Генерал П.Н. Шатилов, насколько известно, никакого участия в событиях Второй мировой войны не принял.

Именно в годы этой войны еще раз наступил «звездный час» в жизни генерала Балабина, когда он оказался активным участником развернувшихся событий. Еще в 1939 году, когда нацистская Германия расчленила и оккупировала Чехословакию, генерал Балабин был назначен немцами атаманом казаков, проживавших в Протекторате Богемия и Моравия, Венгрии, Словакии и Германии. Без предубеждений он поддержал Русское Освободительное Движение генерала А.А. Власова. Евгений Иванович принял участие в Учредительном собрании, провозгласившем в ноябре 1944 года в Пражском кремле создание Комитета Освобождения Народов России – КОНР. С 1944 года генерал Балабин был начальником казачьих формирований, а затем служил в штабе казачьих войск при штабе Русской Освободительной Армии – РОА и был членом Совета казачьих войск КОНР.

Страницы, рассказывающие об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении, могут вызвать у некоторых читателей неоднозначную оценку, ибо в современном российском обществе мнения о самом Русском

Освободительном Движении могут быть диаметрально противоположны. В главе «Власовское движение» автор рассказывает о своих встречах с генералом А.А. Власовым и о самом генерале пишет с явными симпатией и уважением. Пишет он и о встречах с ближайшими соратниками генерала А.А. Власова – генералами В.Ф. Малышкиным, Ф.И. Трухиным, Г.Н. Жиленковым. Тогда же в Берлине генерал Балабин встречался с атаманом П.Н. Красновым. Интересная деталь: автор дает свою оценку отношению атамана П.Н. Краснова к генералу А.А. Власову и атаману Т.И. Доманову¹⁰. По мнению генерала Балабина, негативного отношения со стороны старого казачьего атамана был достоин скорее не А.А. Власов, а Т.И. Доманов. Еще одна встреча: уже по окончании Второй мировой войны судьба генерала Балабина свела с генералом М.А. Скворцовым и полковником Е.К. Смола-Смоленко¹¹, которые воевали против красных в рядах Русского корпуса в Югославии.

Не меньший интерес, чем описание войн и революции, представляет повествование о переезде большой группы европейских эмигрантов, включая и русских, из послевоенной Европы на пароходе в Южную Америку. Если эвакуации белых периода Гражданской войны, в первую очередь из Крыма, теперь хорошо известны российскому читателю благодаря многочисленным публикациям 1990-х годов, послевоенные же переезды русских людей из Европы на другие континенты еще ждут своих публикаторов. Возможно, именно

поэтому рассказ генерала Балабина о своем путешествии через Атлантический океан читается с неослабевающим интересом, вызывая в памяти страницы из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта». Сама же Латинская Америка в ту пору была глухой периферией мировой политики. «Пылающим континентом» она стала значительно позднее.

В 1960-х годах генерал Е.И. Балабин вернулся в Европу. Послевоенные бури улеглись. Русская белая эмиграция старела. В отношениях между западными демократиями и СССР наступал период разрядки. Поэтому старый казачий генерал уже не вызывал былого интереса у советских спецслужб. Он поселился в австрийской столице – Вене, у своей дочери Ольги, где и прожил все оставшиеся годы. Еще при жизни он дал возможность познакомиться со своими воспоминаниями некоторым своим друзьям и знакомым. Их отзывы были весьма благожелательными.

Скончался генерал Е.И. Балабин в 1973 году. В журнале «Часовой», издававшемся в Брюсселе, в № 5 за 1974 год появился следующий некролог: «27.10 1973 г. умер в Вене Донского войска генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин, бывший командир 12-го Донского Генерал-Фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка, затем начальник 9-й Донской дивизии, в Белом движении член Донского правительства (Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка)». Единственное, о чем умолча-

ли авторы некролога, так это об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении в годы Второй мировой войны. Сам же генерал Балабин считал свое участие в РОД важным этапом в своей жизни, и едва ли можно усомниться в патриотизме и монархических убеждениях автора. Такой же точки зрения придерживались и остальные русские генералы А.А. фон Лампе¹², Ф.Ф. Абрамов, А.В. Туркул¹³, Г.В. Татаркин¹⁴ и другие, так же как и Е.И. Балабин принявшие участие в Освободительном движении. Они считали Русское Освободительное Движение продолжением Белого дела времен Гражданской войны.

Как заметит читатель, книга написана прекрасным, живым русским языком, а самому автору не изменяет чувство юмора. Текст сохранен таким, каким его подготовил сам генерал Балабин. Он же подобрал большую часть фотографий к тексту, которые теперь представляются уникальными. Это и фотографии сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку и по фронту Великой войны 1914 года. Интересны и фотографии московских достопримечательностей времен хрущевской «оттепели». Генералу Балабину нужны были московские виды для тех страниц, где он описывал свое пребывание в Москве, когда, окончив кадетский корпус, направлялся в Петербург для поступления в Николаевское кавалерийское училище. Тогда он проездом побывал в Москве. В середине 1950-х годов младшая дочь генерала Лидия Евгеньевна Балабина – артистка Чешского национального театра

– побывала вместе со своей труппой на гастролях в Москве. Сделанные в Москве видовые фотоснимки она выслала отцу в Чили.

Возможно, читателю будет интересно узнать, как воспоминания генерала Е.И. Балабина попали в Москву. Впервые имя генерала Балабина я услышал в Праге летом 1996 года. В чешской столице когда-то жили мои родственники, покинувшие Россию в конце Гражданской войны. Приехав в Прагу, я «с пристрастием» расспрашивал старых русских пражан о моих родственниках, а заодно и о белых офицерах и казаках, попавших в эту страну в начале 1920-х годов. Среди русских военных был упомянут и Е.И. Балабин. Мои собеседники вспоминали, что во время Второй мировой войны часто видели этого генерала на богослужении в кафедральном соборе Святого Николая Чудотворца на Староместской площади. В храм он приходил со своими взрослыми дочерьми Ольгой и Лидией. Генерал овдовел в 1935 году. Будучи в Праге, я несколько раз посещал Ольшанское кладбище и видел могилу генеральши Александры Вячеславовны Балабиной, урожденной Воробьевой. Сам же генерал во время богослужения обращал на себя внимание своей выправкой. Среди прихожан храма Святого Николая было немало недавних военных, но в случае с генералом Балабиным выправка кадрового гвардейского офицера была особенно заметна.

Тогда, в 1996 и в 1997 годах, мне рассказывали в Праге об исходе русских эмигрантов из этого города весной 1945 года.

Среди покинувших Прагу был и генерал Балабин со своими дочерью Ольгой и внучкой Зоей. Ольга Евгеньевна и Зоя после войны обосновались в Австрии, а Лидия Евгеньевна осталась в Праге. После войны сотрудники советских спецслужб уговаривали Лидию Балабину написать письмо отцу в Южную Америку с предложением вернуться обратно в Прагу. Однако отец и дочь поняли друг друга. В ответном письме генерал написал своей дочери, что он уже слишком стар и дальняя дорога из Южной Америки в Европу ему не по силам.

После второй моей поездки в Прагу летом 1997 года мне удалось списаться с внучкой генерала – Зоей Александровной Фабинской. Благодаря завязавшейся переписке и телефонным звонкам из Вены в Москву стала возможной присылка воспоминаний генерала Е.И. Балабина. З.А. Фабинской принадлежит одно интересное свидетельство о ее деде – даже в последние годы жизни, будучи в весьма преклонном возрасте, он «вел переписку с целым светом» и встречался с разными людьми. В частности, с казачьим офицером Г.М. Гриневым.

Как любой человек, генерал Балабин в своих оценках и суждениях мог быть в чем-то субъективен. В таком случае тем более интересно сопоставить его суждения и оценки с другими мнениями и свидетельствами – о том, например, что генерал В.И. Сидорин никогда не говорит правду. Или прочитать о том, что в боевой обстановке генерал А.П. Бога-

евский спокоен и хладнокровен. Зная, что генерал П.А. Лещицкий¹⁵ поступил на службу к большевикам, генерал Балабин тем не менее отзывается о нем с уважением, вспоминая Великую войну.

Как уже говорилось выше, на страницах этой книги проходит вереница самых разных персонажей, начиная с Государя Николая Александровича и заканчивая воспитанниками генерала из Моравской Тржебовы. Биографии одних из них хорошо известны, как, в частности, генералов П.Н. Краснова, А.М. Каледина, А.П. Богаевского, Ф.Ф. Абрамова, И.Н. Оприца¹⁶, П.Н. Шатилова, сотника Г.А. Грекова¹⁷, профессора А.А. Кизеветтера¹⁸ и некоторых других, включая генерала А.А. Власова¹⁹. Другим повезло меньше. Они не оставили такого яркого следа в истории, поэтому примечания будут посвящены в первую очередь им. Своим долгом я считаю также выражение глубокой признательности Зое Александровне Фабинской за оказанное доверие и разрешение опубликовать мемуары ее деда – генерала Балабина в России.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт, к. и. н. (Москва)

Оглядываясь на далекое прошлое, на долгий пройденный мною путь, решил написать свои воспоминания для своих дочерей Ольги и Лидии, внучки Зои и племянника Олега.

Записываешь главное, а вспоминаешь все мелочи и в мыслях снова переживаешь всю свою жизнь.

Е. Балабин

Сантьяго-Чили

1959

Глава 1

ДЕТСТВО ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

ДОНСКИЕ СТЕПИ, ТАБУНЫ ЛОШАДЕЙ,

ЖИЗНЬ КАЛМЫК И ИХ

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ

Семья у нас была большая – отец, мать, четыре брата и сестра. И умерли, до моей памяти, два брата и две сестры. Два брата были старше меня, а один и сестра – моложе. И часто гостили у нас какие-либо родственники или знакомые.

Отец мой, Иван Иванович Балабин, полковник, донской казак старинного рода, Семикаракорской станицы. Он командовал казачьим полком, одиннадцать лет служил на Кавказе под начальством донского героя генерала Бакланова²⁰, воевал с Шамилем²¹, имел много орденов. С Баклановым был в большой дружбе, и у нас, в старинном альбоме, было много фотографий, подписанных Баклановым.

Вышел отец в отставку по болезни – без палки не мог ходить и не мог ездить верхом. Это был старый, на 20 лет стар-

ше матери, человек, очень добрый и очень религиозный. Все к нему относились с большим уважением и любовью. Он жил в отдельном флигеле, так как детский шум и игры его беспокоили. К нам же в дом он приходил только завтракать, обедать и ужинать и иногда, когда были интересные для него гости. Ежедневно он долго молился, прочитывая вслух часы и всю литургию.

Когда мы, дети, или кто-либо из взрослых приходили к нему во время его молитвы, он не обращал внимания и не оглядывался.

Во время полевых работ он ежедневно выезжал в поле и давал указания приказчику. Мы, мальчики, очень любили слушать его бесконечные рассказы о войне на Кавказе, о походах в Финляндию и Польшу и, вообще, о военной жизни. Помню его рассказ, как он на Кавказе ехал впереди сотни казаков и с двух сторон дороги, из кустов, черкесы сделали по нему два выстрела, и у одного была «осечка», то есть не разбит пистон, а у другого «вспышка» – пистон разбит, а выстрела не последовало. Не успел отец моргнуть, как оба черкеса были без головы.

Еще помню рассказ. Одно время отец был полковым казначеем, и в его ведении был денежный ящик, замкнутый и с сургучной печатью. Производилась, по закону, ежемесячная проверка сумм. Пачки денег вынимали из ящика и считали. Подсчет окончен, все в порядке, положили деньги обратно в ящик, замкнули его и запечатали. На следующий день ден-

щик отца подает ему пачку денег, незаметно упавшую под стол, когда деньги прятали обратно в ящик.

Денщик подметал и нашел эти деньги. Этот денщик окончил службу и через два дня после этого должен был совсем уехать на Дон в свою станицу. Если бы он утаил эти деньги, он был бы богатый человек и на него никто не подумал бы, да и открылась бы пропажа только через месяц, во время следующей проверки. Отец спросил его, не было ли у него мысли утаить деньги? Денщик ответил: «На секунду была такая мысль», но вспомнил, что, когда он шел на службу, отец, провожая, говорил: «Помни, сын, никогда не бери чужого, приходи нищим, приходи оборванным, но приходи честным».

Отец всегда говорил нам, мальчишкам: «Помните, что вы казаки, вы должны быть безукоризненно честными, храбрыми в бою и в жизни и не бояться жизнь свою отдать за Веру, Царя и Отечество. Лучшей смерти для казака не может быть, как смерть за Царя».

Моя мама, как я уже говорил, была на двадцать лет моложе отца. Когда мы были маленькими, ей было уже около сорока лет. Она была очень энергичная и деловая. Она вела наше большое хозяйство и во все входила. Вела подробную опись всего табуна (стат-бук), как полагается коннозаводчику. Заботилась об остальных животных – скот, овцы, птица, свиньи... Распределяла, где какой хлеб сеять. Выписывала особые семена дынь, арбузов, и они были у нас замечательные. Бахчи сеяли две десятины, чтобы арбузов, дынь и огур-

цов хватило на всю дворню и на калмык⁵. Мать ездила на ярмарки, покупала все, что нужно для хозяйства. Хороших помощников не было, кроме старшего табунщика Буюндука, жившего у нас больше двадцати пяти лет, и садовника. Приказчики все время менялись.

Мама имела два шкафа с медикаментами – один для людей, другой для лошадей и остальных животных – и лечила не только своих служащих, но и соседей и, вообще, всех, кто к ней обращался, и делала это совершенно бесплатно.

Часто приходили к ней служащие с жалобами друг на друга. Она разбирала ссоры, судила, мирила, и ее решения принимались без рассуждений и без возражений.

Один раз на Цыган-Сара²² – это самый большой калмыцкий праздник, когда они напиваются аракой, которую сами варят, и скачут на лошадях, и часто, в азарте, бьют друг друга плетью, а плети у них двух сортов: одна для лошадей, легкая, из сшитых ремней и называется «ташмаком», другая для волков и людей, сплетенная из тонких ремней и твердая, как железо, – так вот на Цыган-Сара пришел калмык Санжа и жаловался, что Учур так его ударил плетью, что от плеча до поясницы рассек рубашку. «Я требую с него за рубашку 20 копеек, а он не хочет давать». И при этом повернулся спиной, чтобы показать, как у него рассечена рубашка. На спине был страшный кроваво-багровый рубец в большой палец

⁵ Здесь и далее сохранена разговорная форма родительного падежа множественного числа «калмык» как характерная для авторской речи. (Примеч. ред.)

шириной, и из нижнего конца его сочилась кровь. Мама приказала немедленно, при ней, отдать пострадавшему 20 копеек и занялась лечением этой ужасной раны.

Я родился там же, на зимовнике⁶, 22 декабря 1879 года по старому стилю в степях у реки Маныч²³. Для человека, живущего в гористой местности, степи кажутся скучными и неинтересными, но для степного жителя лучше степей ничего не может быть. Весной степи одеваются чудной травой, и всегда, сколько я помню, на Пасху вся степь покрывается тюльпанами. Их миллионы. Если вы стоите в степи, то только на десять шагов вокруг вас вы видите тюльпаны с зелеными листьями, а дальше это сплошной красный ковер на много верст вокруг, и только на некоторых местах попадаются площади желтых тюльпанов, белых, оранжевых. Накануне Пасхи мы всегда ездили в степь за тюльпанами и очень любили эти поездки. Тепло, чудный весенний воздух, очаровательная в вышине песнь жаворонка, лучше всяких соловьев, и их сотни. Здесь же плачет чибис, стараясь отвести непрошенных гостей подальше от своего гнезда с яйцами. Здесь же вертится большой кроншнеп, иногда прикидываясь раненым, чтобы погнались за ним подальше от гнезда. Весело, хорошо, степь живет полной жизнью, и, кажется, никогда не покинул бы эти места. Трава так душиста и так хороша для корма лошадей, что один ветеринар, приехавший из Центральной

⁶ Зимовник – хутор в коннозаводческой степи, где табуны зимуют под крышей.
(Примеч. ред.)

России, осматривая конюшню, понюхал сено и сказал: «Никогда не видел такого сена – жалко лошадям давать, сам бы ел».

Летом, в июле и августе, если нет дождей, что часто бывает в этих местах, степи выгорают и становятся желтыми, на земле появляются трещины. Конечно, траву косили, и огромные скирды сена, запас на несколько лет, стояли в определенных местах участка.

Степь простирается до реки Маныч, протекающей в трех верстах от зимовника. Маныч – небольшая извилистая речка, южный приток Дона, иногда в десять шагов ширины, а в других местах ширина ее больше версты. В Манычи горько-соленая вода, очень целебная. Весной вода разливается в целое море и имеет очень красивый вид.

Когда после разлива вода спадает, образуется целый ряд озер-лиманов, окаймленных густым высоким камышом. Между лиманами растет луговая трава, в некоторых местах высотой закрывающая лошадь с всадником. Эту траву тоже косили, но давали только быкам и коровам. В лиманах было много водяной и болотной птицы, а в камышах скрывались волки.

Зимой степь, ровная, как стол, покрывается снегом, и, если не ставить вех, легко сбиться с дороги, особенно ночью. Один раз мама ехала с ярмарки, и ее, уже на своем участке, застигла ночь и метель. Вех не было, дорогу занесло снегом, с дороги сбились, долго крутили лошадей, разыскивая

ее, несколько раз кучер слезал и прощупывал ногами дорогу. Наконец он сказал: «Барыня, измучили лошадей, не видно ни зги, куда ехать, не знаем, пустим лошадей идти, может, чутьем найдут дорогу». Пустили. Вскоре лошади остановились. Кучер сошел с саней и говорит: «Какая-то глубокая канава, надо здесь заночевать, кутайтесь хорошенько, чтобы не замерзнуть». А когда утром начало рассветать, путники и лошади, засыпанные снегом, увидели, что стоят у канавы своего собственного сада и до дома осталось несколько сот шагов.

Весной снег в степи обыкновенно быстро тает. Балки, сухие летом, сразу наполняются водой и обращаются в бурные реки. Вода несется с такой быстротой, что переехать балку невозможно, и путешественники нередко ждут дня два, пока вода протечет. У нас говорят – «балки играют».

Длинные осенние вечера мы обыкновенно сидели в столовой, и каждый занимался своим делом. Мама вязала или шила, а мы, дети, слушали бесконечные рассказы отца и горели желанием воевать, бить французов и немцев и, вообще, быть героями. Часто все играли в лото. Я не любил эту игру, но заставляли играть, и я иногда засыпал за столом, и соседи передвигали пешки на моих картах.

Но часто поздней осенью или зимой вдруг раздавался вой волка. На зимовнике полный переполох. Собаки, а их во дворе было около двадцати штук, спешили спрятаться по всем стрехам и закоулкам. Комнатный пес, чистокровный англий-

ский пойнтер, старался забраться под кровать. Мы, дети, сидевшие на диване у стола, сразу поджимали ноги под себя, боясь, что волк уже и под стол заберется. Но несколько выстрелов кого-либо из взрослых отпугивали зверя, нарушившего покой.

Но иногда волки молча являлись на зимовник, перескакивали кирпичный забор, высотой выше роста взрослого человека, на баз, хватали овцу и, взвалив ее себе на спину, вместе с овцой перепрыгивали этот высокий забор и уходили в степь. Иногда, прежде чем утащить овцу, резали, как у нас говорят, еще две-три на запас – это манера волка – и уже с одной уходили. Конечно, собаки чувствовали приближение волка, поднимали вой и панику, но выскочившие люди не успевали предупредить нападение, и, когда являлись с фонарями на место происшествия, уже все было окончено – находили на земле кровь, пару зарезанных овец и дрожащее стадо.

В Манычи, на горке, стояла дикая груша. Часто, в сумерки, волк садился возле этой груши и выл на разные голоса. Казалось, что воет не один волк, а несколько. Калмыки говорили, что волк, перед тем как идти на «работу», молится Богу...

Донское Войско²⁴, по соглашению с государственной властью, на известных условиях отвело для коннозаводчиков огромный округ по реке Маныч. Каждый коннозаводчик ежегодно от каждого участка в 2400 десятин за небольшую

плату должен был сдавать в ремонт кавалерии определенное количество лошадей. Мы сдавали ежегодно по 40 лошадей. За каждую непринятую комиссией лошадь коннозаводчик платил штраф. Обыкновенно штраф взимался, но коннозаводчик должен был на следующий год пополнить не сданное в этом году количество лошадей.

Табун круглый год ходил на подножном корму, и даже зимой лошади, разгребая снег, находили обильный корм. Во время гололедицы или очень большого снега для корма раскидывали сено по снегу. Если замечали, что лошадь худеет, ее отделяли и ставили до весны в конюшню. И таких у нас за зиму из пятисот лошадей было не больше двадцати. Называли их «худорбой». Плодовых жеребцов на зиму всегда ставили в конюшню. Поэтому у нас было две конюшни – одна для жеребцов, другая для упряжных лошадей.

С началом весны табун разбивали на косяки и каждый косяк вручали жеребцу. Он и пас своих маток, и в определенное время пригонял их на водопой. Табунщики только смотрели, чтобы косяки не смешивались (да этого не допускали и жеребцы), а главное, чтобы жеребцы не дрались, так как во время драки они наносят друг другу страшные раны. Драки бывают часто, когда жеребец увидит матку, бывшую в прошлом году у него в косяке и теперь переданную в косяк другому жеребцу.

Косяки весной представляют собой исключительно красивое зрелище. Матки беспрекословно слушаются своего

жеребца, когда он перегоняет их с одного места на другое. И как приятно смотреть на жеребят, когда они скачут вокруг своих матерей или гоняются друг за другом.

Отвечает за табун старший табунщик. Все табунщики калмыки²⁵. Сосед, коннозаводчик В.Я. Корольков, попробовал завести русских табунщиков, дал им лошадей с седлами, но они, пробыв у него несколько дней, на этих же лошадях и удрали, а калмык имеет семью, собственную кибитку, которую не так легко собрать и увезти, и никуда не сбежит.

Каждый коннозаводчик имел рогатый скот, овец, свиней, птицу и имел право пахать и сеять хлеба сколько ему угодно. Тракторов тогда не было, и все пахали на волах. У нас хозяйство было сравнительно небольшое: сеяли десятин сто. Рогатого скота было штук двести, из них дойных коров было немного больше двадцати и овец тысяча штук. Сосед, В.Я. Корольков, сеял тысячу десятин и имел тридцать тысяч овец. У нас на зимовке все внимание было обращено на лошадь и хозяйством занимались как подсобным делом, чтобы прокормить рабочих и служащих.

Гусей, уток, кур, индеек у нас было множество, и ни мать, ни заведующая птичней не знали, сколько чего. Помню, как-то перед вечером мы пили чай на открытой веранде, а гуси, никто не пас их и не смотрел за ними, возвращались со степи к птичне и, как полагается гусям, шли гуськом. Мама насчитала их сто три. Но часть гусей шла другим путем через пруд, сзади дома, и еще часть ночевала на берегу у пруда.

Питались мы дома бараниной, птицей и дичью. Редко свиной, а быка резали только под Пасху и под Рождество. Баранина, благодаря прекрасным кормам, была замечательной, как на Кавказе знаменитые карачаевские барашки. Российская баранина даже не напоминала нашу донскую.

Но Великий пост держали очень строго. За все семь недель поста нам, малым детям, никогда не давали не только мяса, но даже молока, масла. Зато как мы чувствовали Пасху! К заутрене мы, к сожалению, не могли ездить, так как ближайшая церковь была от нас в тридцати верстах. А святить куличи, пасху, яйца и прочее заранее посылали туда кучера.

Подготовка к Пасхе – целое событие: стряпали, варили, жарили, красили... Пальцы у нас, детей, были выкрашены во все краски, и мы ухитрялись покрасить не только яйца, но и «айданчики» – косточки, которые у нас на юге заменяют российские бабки.

Как-то младший брат, Филипп, ему было около пяти лет, в Страстную пятницу лизнул глазурь на куличе. Мы были в ужасе: оскоромился, – и я не сводил с него глаз, боялся, что с ним будет что-либо ужасное. Этот же Филипп, будучи в 1-м классе кадетского корпуса, десяти лет, отказался в Великий пост есть скоромное. А в корпусе в Великий пост постились только на первой, четвертой и Страстной неделях. А в остальные недели поста постное давали по средам и пятницам. Филиппу стали готовить во все дни поста. К нему при-

соединились еще человек пять – ели только постное.

На Пасху приходила в дом христосоваться вся дворня, и нас заставляли христосоваться со всеми. Всем мы давали по красному яичку. Приходили поздравлять с праздником и калмыки со словами «Христосн Воскресн!» – всегда почему-то прибавляя на конце букву «н». С ними не христосовались, но каждый получал кусок неосвященного кулича и стакан водки. Скотарь Минько приходил поздравить несколько раз в день и всегда так напоздравлялся, что потом засыпал под забором. Узнавши раз, что Минько лежит под забором пьяный, мама приказала запрячь лошадь и отвезти его домой в кибитку, в 500 шагах от дома. Приказчик говорит: «Это невозможно, он непременно упадет с дрог, его не удержишь, надо отвезти верхом». Привели оседланную лошадь, с трудом посадили его в седло, и он, не приходя в сознание, благополучно доехал до кибитки. Лошадь, конечно, вели.

На Пасху на две недели нам во дворе устраивали качели, и мы целые дни качались, подлетая до небес. Как-то к нам подошел табунщик Путатек, а по-русски, он всем говорил, – Ефимка. Ему было лет тридцать. Это был лучший наездник, легко справлявшийся с самыми злыми «неуками». Сел он на доску верхом и, как всегда, рассказывает анекдоты, высмеивая кацапов. А мы с Филиппом стоим по краям доски. Сначала слушали спокойно, а потом, перемигнувшись, начали раскачивать качели. Путатек испугался и начал кричать: «Ей-бог остановите, ей-бог остановите». Увидевши, что он

чуть не плачет, мы остановили качели. Сойдя с них и переведя дух, он сказал: «Никогда в жизни не сяду на вашу качель, лучше объезжу сто «неуков», чем пять минут на этот качель».

Чабана, который пас овец, звали Никита Шестопал. У него на руках и на ногах, между мизинцами и безымянными пальцами, выросли совершенно нормальные шестые пальцы. Чтобы нам доставить удовольствие, он иногда приносил в дом только что родившегося ягненка, и мы не спускали его с рук, гладили, ласкали.

Еще был забавный столяр Петр. Ему брат Владимир заказал рамку для фотографии, где были сняты мы, четыре брата. На рамке он вырезал буквы «В.Б.». Я спросил брата, зачем он вырезал на рамке свое имя? Брат ответил: «Это фантазия столяра, и это не Владимир Балабин, а «Все братья».

На Рождество нам устраивали елку, но так как за елью надо было ехать сто верст до Новочеркаска, то брали сухое дерево и обматывали его зеленой надрезанной бумагой в виде бахромы – получалась зеленая елка, и когда ее завешивали, в изобилии, игрушками, золотыми орехами и прочим, то выходило совсем хорошо. Комната, где украшалась елка, замыкалась, и нас, детей, до определенного момента туда не пускали. Мы подсматривали в замочную дырочку.

У нас было два сада: малый, в 200 метров длины и 30 ширины, и большой, в десять десятин. В малом стояли два дома, баня, было много фруктовых деревьев, кусты сирени и

роз и многочисленные цветники, к которым мама имела особую страсть. Клумбы цветов с трех сторон окаймляли дом, а между роз и цветов стоял стол, где мы завтракали и пили чай. Обедали в доме: уж очень жарко было летом.

Чтобы попасть в большой сад, надо было перейти по гребле⁷ через пруд. В большом саду были целые плантации яблок, груш, вишен, слив, абрикосов, масса крыжовника, смородины. Цвела большая аллея роз, разбиты были парники. Была и целая роща «чернолесья» – дуб, клен, карагач и другие деревья – у нас долго жил замечательный садовник. Он великолепно делал прививки, прививал груши к вербе, они были горькие и несъедобные, но гости удивлялись, видя на вербе груши. Некоторые переманивали садовника от нас, давая ему в два раза больше жалованья, но он не уходил. Любил этот садовник парники и на Пасху всегда угощал, например, редиской, огурцами, дынями. Недостаток его – он очень любил кошек, и около его шалаша в саду их было штук пять. Когда весной прилетали соловьи, кошки их моментально уничтожали.

На нас, мальчиков, мало обращали внимания, и мы делали что хотели. Требовали только, чтобы мы вовремя приходили к обеду, полднику, ужину.

До десяти лет главным нашим развлечением была верховая езда. Меня первый раз посадили на лошадь (старый на пенсии жеребец Шанхай), когда мне было три года. Конюх

⁷ Гребля – здесь: плотина, насыпь. (Примеч. ред.)

водил лошадь, а няня шла рядом и держала меня за ручонку. Я хорошо помню этот мой первый выезд. В пять лет мы уже свободно скакали на лошадях и уезжали в степь, куда хотели. Родители никогда не волновались и не думали, что с нами может быть какая-нибудь неприятность.

Как-то раз поехали на бахчу – старший брат Николай, я, Филипп и пятилетняя сестра Лиза. Я ехал верхом, они в тарантасе. Нечаянно набрали арбузов так много, что в тарантас сесть и одному человеку было невозможно. Решили идти две версты пешком, а сестренку посадили на моего коня. Шли мы за тарантасом, увлеченные рассказом брата, и вдруг слышим какой-то писк. Оказалось, что лошадь под сестренкой, увидевши в стороне косяк лошадей, повернула к ним, а Лиза, не умея управлять лошадьёю, кричит ей – «не туда».

Вспоминаю, когда мне было лет пять, я играл во дворе с детишками рабочих. Меня позвали обедать. Дети говорили: «Скорей обедай и приходи». На третье подали манную кашу. Торопясь к ребятам, я сказал: «Я не люблю манную кашу, можно мне встать?» – «Встать раньше старших не смеешь, а каша очень вкусная, с вареньем». – «Не хочу каши». – «Ну сиди, жди, пока мы будем есть». Сидя за столом, я задремал с открытым ртом. Мама, смеясь, положила мне в рот ложку каши. Я проглотил и сказал: «Очень вкусно, дайте мне». Но каша была уже вся съедена.

Один раз заехал к нам, по пути, купец Мокрицкий, живущий в 30 верстах от нас в станице Платовской, и пригла-

сил нас, ребят, приехать к ним в гости. Родители без всяких разговоров разрешили эту поездку. Мне было 8 лет, Филиппу 6 ¹/₂. Мы просили маму рассказать нам дорогу, а мама сказала: «Заезжайте в табун, вам калмыки расскажут». Через несколько дней после этого, пообедав, мы поехали к Мокрицким. Заехали в табун, а там как раз была выучка «неуков», которых старались немного подъездить, чтобы они были смирные. На «неуков» табунщики садились по очереди. Их было у нас 6 – 7 человек. Старший табунщик Буюндук накиннул арканом дикую лошадь и, взяв аркан под стремя, держал ее. Другой табунщик спешился и, придерживаясь за аркан, осторожно подошел к ней, взял за уши, надел уздечку, чумбуром (ремень от уздечки) закрутил губу и стал тянуть. От страшной боли лошадь уже ничего не чувствует. Тогда накладывают на нее седло, подтягивают подпруги и на лошадь садится очередной табунщик. Освобождают губу и быстро все отбегают. Несколько мгновений лошадь стоит неподвижно, но боль быстро проходит, и лошадь чувствует страшную незнакомую тяжесть на спине, а на животе – подтянутые подпруги и начинает бить. Она бьет задними ногами, поднимается на дыбы, иногда падает на землю и сейчас же вскакивает и, вообще, всеми силами старается сбросить седока. Надо бить ее плетью, чтобы она поскакала – «понесла». Когда она устанет, переходит на рысь и шаг. Тогда постепенно приучают поводом идти в ту сторону, куда надо.

В описываемом случае табунщик-калмык, ему было лет

17, а на вид примерно 12, не удержался, упал прямо головой вниз и лежал неподвижно. За лошадей поскакали, а на упавшего не обращают внимания. Я говорю Буюндуку: «Он убится, его надо поднять». Буюндук отвечает: «Не убится, а совестится встать». И так он лежал, пока поймали лошадь и привели. Старый калмык подошел, толкнул его в бок ногой и крикнул: «Вставай, коня привели». Калмычонок встал, сел на лошадь и больше уже не падал.

Мы расспросили дорогу и поехали. Надо было доехать до зимовника Подкопаева, там переехать мост и ехать дальше направо. Но еще не доехали до Подкопаева, как разразился страшный ливень. Мы карьером бросились к зимовнику и там завели лошадей в сарай. Хозяева, узнав, что мы Балабины, пригласили в дом, хотели угощать и уговаривали остаться ночевать, так как через двадцать минут будет уже темно. Но мы не послушались разумного совета и, как только дождь перестал, поехали дальше. Вскоре наступила ужасная тьма, все небо оказалось покрыто тучами, не видно было и ушей лошади, на которой сидишь. Едем как будто по дороге, но ведь степь ровная, как стол, и куда едем, не знаем. Наткнулись на каких-то рабочих, идущих пешком в том же направлении. Они стали спрашивать нас: кто мы, куда едем и зачем? «Как же вы не боитесь? Ведь недавно разбойники напали на одного барина, ехавшего на тройке, выпрягли лошадей и увели, а он остался в экипаже один в степи». – «А где же станица Платовская?» – «Да вы так по этой дороге и при-

едете туда. Проводили бы вас, да нам надо в сторону». Едем, тьма, наехали на какую-то стену, повернули вдоль стены, попали опять на дорогу, а темень непроглядная, и нигде ни одного огонька. Приехали к какой-то речке, которой не должно быть. Брат говорит: «Подождем, пока вся вода протечет». Посмеялись и решили ехать в воду. Оказалось, что речка образовалась от недавнего ливня. Приехали к какому-то дому, где много рабочих укладываются спать на ступеньках крыльца. Спрашиваем: «А где живут Мокрицкие?» – «Да это их магазин, а калитка в их сад сбоку». Начали стучать, и нам открыли, накормили и уложили спать, удивляясь, что таких малых детей отпустили на ночь за тридцать верст. Но если бы меньше смотрели в табуне на выучку «неуков», мы приехали бы к Мокрицким засветло. Обратномы ехали без приключений. Дома смеялись над нашим путешествием.

Первый раз меня взяли в Новочеркасск, когда мне было семь лет. Тогда я и железную дорогу увидел первый раз – и то издали. Когда мы ехали по городу в коляске, я увидел, как крошка кадет стал во фронт генералу, я был в восторге и решил быть непременно кадетом.

В это время была страшная засуха. Несколько месяцев не было дождей, земля потрескалась, было душно. В Новочеркасске, на главной улице, при большом стечении народа, служили молебен, прося у Господа Бога дождя, и еще не окончился молебен, как пошел дождь и люди стали разбегаться и прятаться. Это произвело на меня большое впечатление –

я почувствовал Бога.

Старшие братья и гостившие у нас дяди – все были охотниками. Дичи по прудам и Манацким⁸ лиманам было много, и охота всегда была удачная. Почти всегда они брали с собой и нас, мальчиков, но до десятилетнего возраста стрелять не давали. Мы часто служили им вместо собак – доставали из воды убитую утку, нагоняли в степи дроф и стрепетов и другую добычу.

Учить меня начали, когда мне было около семи лет, я все время приставал к матери с просьбой учить меня. Раз мама, чтобы отвязаться от меня, была занята, дала мне газету, показала букву «У» и велела подчеркнуть все буквы «У». Я долго смотрел на газету и сообщил матери, что в газете больше нет ни одной «У». Мама посмеялась и показала мне, как надо искать. Через несколько дней я знал уже все буквы и складывал их. Потом появились на стенах комнаты всякие слова, меня выбрали и запретили показывать свою грамотность на стенах.

Когда я еще не поступал в кадетский корпус, старший брат Николай был уже офицером, второй брат, Владимир, учился в реальном училище, а мы с младшим братом, Филиппом, росли неразлучными друзьями. Дома, в комнатах, мы никогда не сидели – все время на воздухе, в саду, в поле, на пруду. Ежедневно посещали конюшни, кузню, столярную, кухни. Набегавшись, мы приходили домой к обеду грязные,

⁸ См. примечание 23, с. 272.

мокрые и должны были мыться и переодеваться.

Как-то зимой мама не хотела нас отпустить во двор после обеда. «Опять пойдете на пруд и вываляетесь там, да и опасно, уже начинается таяние». Мы дали слово, что на пруд не пойдём, но когда вышли из дома, то сами ноги так и потянули нас к пруду. Пруд был покрыт льдом, но в нескольких местах, где были родники, во льду были маленькие отверстия, и, когда идешь возле этого отверстия, из него фонтанчиком выскакивает вода. Мы стали по бокам одного фонтанчика и по очереди начали прыгать, наблюдая, как высоко выскакивает вода. Потом, чтобы она выскочила еще выше, мы стоворились прыгнуть одновременно. Прыгнули и провалились под лед. На берег мы выкарабкались, было неглубоко, но сразу же, в один голос: «А обещались маме на пруд не ходить»... Что же делать? Идти сушиться на кухню нельзя – сейчас же донесут маме. И мы решили раздеться догола, развесить все мокрое на заборе и подождать, когда высохнет. Мороз к вечеру стал усиливаться, а мы совершенно голые, босиком, бегали вдоль забора по снегу. Наконец брат говорит: «Я больше не могу, я замерзаю». Бросились одеваться, а рубаху нельзя надеть – замерзла в лубок. Кое-как оделись и, как будто ничего не случилось, паиньками, скромно пришли домой. Вскоре брат прилег на кровать и я тоже. Удивленная мама спрашивает: «Почему легли? Ведь никогда днем не ложились?» Попробовала голову – жар, приказала горничной раздеть нас, а та сейчас же: «Барыня, да они совсем мокрые».

Померили температуру – около сорока. Пришлось покаяться и рассказать все подробно. Но через несколько дней мы были совсем здоровы, бегали по двору, но к пруду уже не подходили – началось таяние.

У каждого из нас был свой аркан, и мы, изображая из себя табунщиков, накидывали все, что можно, – столбики в саду, друг друга... Но все это казалось не так интересно, и мы начали тайком загонять на баз телят, которые паслись, конечно, отдельно от коров, и накидывали их. Один из нас по очереди был старшим табунщиком и, накинувши теленка, держал его, а другой, воображая, что это злой «неук», осторожно подходил к теленку, брал его за голову, как делают табунщики, валил на землю и таврил, а так как тавра у нас не было, то мы слюнями рисовали на бедре тавро, мокрое присыпали пылью, и, когда теленок вставал, еще некоторое время видно было тавро. Некоторые телята, почувствовав на шее аркан, кричали. Тех мы не трогали, так как на крик теленка являлась какая-либо баба, а их во дворе было много, ругала нас, выгоняла телят на траву пастись и жаловалась матери.

Один раз мама куда-то уехала, рабочие были в поле, всех баб взяли в большой сад поливать капусту, и мы с братом остались во дворе одни. Вздумали накидывать свиней, которые свободно бродили по всему обширному двору. Свиней накидывать трудно, так как свинья низкая и всегда держит голову вниз почти до земли. Но вот мне удалось накинуть поросенка. Он поднял такой крик, что свиньи со всего двора

начали сбегаться. Уже не было времени снять аркан, и мы спрятались в кухню, захлопнув двери и держа конец аркана в руках. Свиньи угрожающе хрюкали, а мы сидели, как в крепости, и не знали, что делать. Наконец решили бросить аркан в надежде, что свиньи отойдут, а взрослые потом снимут аркан и возвратят его нам. Но свиньи не расходились, и осада продолжалась. Надо было прорываться сквозь осаждающего противника. Мы выскочили и побежали. Надо было пробежать до забора малого сада шагов двадцать. Я чуть задержался, чтобы закрыть двери кухни, и за эту секунду чуть не пострадал. Брат благополучно добежал до сада и перескочил через забор, а меня догнал кабан, носом подкинул в воздух и, когда я упал на четвереньки, начал рвать на мне рубашку. По счастью, в это время проходил садовник и выручил меня из беды. Больше мы свиней не накидывали. Но один раз, когда мы пили чай на веранде, а поросенок подошел к самому крыльцу, я прыгнул с крыльца на поросенка, схватил его и начал прижимать к забору, поросенок поднял страшный писк, и свиньи со всего двора бросились к крыльцу. Мама крикнула: «Спасайся!» – и я вбежал на крыльцо.

Как-то у нас гостил троюродный племянник Степа, мальчик недоразвитый и не совсем нормальный. Он был года на три старше меня. Поехали мы кататься на лодке и посередине пруда, не сговариваясь с братом, начали раскачивать лодку. Степа, городской мальчик, испугался и начал кричать, чтобы мы не шалили. Это нам показалось так забавно, что

мы стали раскачивать еще сильнее и перевернули лодку. Степа в испуге вскарабкался на дно лодки и уже думал, что совсем погибает, едва мы уговорили его, что не так глубоко, что мы стоим на земле. Лодку перевернули, придвинули к берегу, вычерпали воду, а сами разделись, выжали мокрое, разложили на траву, и на летнем солнце моментально высохло. Приплыли домой. Степа говорит: «Не говорите тете» (то есть моей маме). Мы, конечно, сейчас же все рассказали. А за обедом я говорю Степе, как будто по секрету, но он понимает, что и мама слышит: «Не скажу маме, что ты перевернул лодку и чуть нас не утопил». Степа страшно возмутился, хотел оправдаться, но мама, смеясь, сказала: «Не смущайся, Степа, они над тобой смеются. Я знаю, что лодку перевернули они, зная, что в том месте неглубоко и безопасно. А теперь лето – не простудитесь».

Летом мы, братья, спали на полу на открытой веранде и утром, проснувшись, не шли к умывальнику, а прямо раздевшись проходили через садик 30 шагов и купались в пруду. За день мы купались несколько раз. Иногда в этом же пруду ловили удочкой рыбу.

Один раз мама куда-то уехала, и мы остались одни. Коных конюшни, где зимой стоят жеребцы, замкнул конюшню и уехал ночью в хутор Литвиновку в пяти верстах от зимовника. От невыясненной причины конюшня загорелась. Все бросились на пожар, но конюшня была замкнута огромным замком, и сбить его не удалось. Соломенные крыши конюш-

ни и соседних сараев вспыхнули, как порох. Сгорела конюшня с пятью лошадьми, сгорели два сарая и стоящие здесь же три деревянных амбара с хлебом. Несколько раз загоралась крыша птични, что недалеко от дома, и уже мы вдвоем с братом вскакивали на крышу и гасили огонь.

Один раз, поздней осенью вечером, мы спокойно играли в лото. Мне было лет шесть. Вдруг во дворе раздался лошадиный топот, как будто въехал эскадрон. Тьма была непроглядная. Дядя схватил ружье и выскочил на балкон. Я с Филиппом за ним, несмотря на крики мамы: «Куда, назад!» Во дворе человек тридцать калмык верхом. Дядя подозвал одного и спросил: «В чем дело?» Калмык извинился за беспокойство и сообщил, что они приехали воровать невесту у калмык на Жеребковском участке, так как от нас легче всего проехать к этим кибиткам, отстоящим от нашего зимовника шагов на триста. Вскоре калмыки поскакали туда. Когда мы вернулись в столовую, дядя смеялся над нами: «Вот вы свысока смотрите на калмык и особенно на калмычек, считаете их ниже себя, но вот калмыки могли схватить вас на балконе, а они предпочли воровать калмычку, значит, калмычка лучше вас». Помню, нам это было очень обидно.

Обычай воровать невесту остался у калмык до последнего времени. Это гораздо дешевле, чем справлять свадьбу. Обыкновенно невеста знает, когда приедут ее воровать, и готова к этому, но родители ее не знают. Воры потихоньку входят в кибитку, привязывают родителей к кровати и тогда

поднимают невесту. Она обязана кричать и делать вид, что она не хочет уезжать. Родители вскакивают, садятся на лошадей, которые всегда есть стреноженные у кибитки, и гонятся за похитителями. Если догнали – жених здесь же, в степи, немедленно должен угощать всех водкой, и тогда считается, что свадьба состоялась. Если водки нет – жениха избивают плетью и невесту отбирают.

Раз украли калмычку и у наших калмык, причем родители так крепко были привязаны, что сами не могли освободиться.

А одну красивую калмычку, дочь Буюндука, украли без ее согласия. Она сейчас же убежала от жениха и три дня пряталась, голодная, в камышах. Несколько раз приезжал жених справляться, где же его невеста, но никто не знал. Через три дня она явилась к родителям худая, измученная, еле живая.

Платовская станица раньше называлась хутором Гремучим. Там был очень глубокий колодезь с прекрасной водой, в глубине которого всегда был какой-то гром. По преданию, этот колодезь был построен Иаковым. Населена была Платовская станица исключительно калмыками, и было там только две семьи русских – купцы Мокрицкие и Гаврицкие. В этой станице жил и главный на все войско Донское и Астраханское калмыцкий архиерей старик Бакша⁹ Аркад Чуба-

⁹ Бакша – настоятель, старшина среди калмыцких жрецов. Бакша – нарицательное имя существительное, однако в тексте последовательно употребляется с начальной прописной буквой, по-видимому, в знак особого почтения к духовному лицу. (Примеч. ред.)

нов. При нем много было гилюнов (священников), которые ходили во всем красном – ряса, шапка, сапоги. Еще больше было низших духовных лиц – манджиков, которые ходили в черном.

Бакша Аркад Чубанов был образованный человек, очень богатый и пользовался уважением не только калмык, но и русских. В Платовской станице было два хуруля (церкви).

Купцы Мокрицкие и Гаврицкие решили около священного для православных колодца построить церковь. Когда об этом узнал Бакша А. Чубанов, он явился к Мокрицкому и Гаврицкому и просил их не строить церковь, предлагая купцам большую сумму отступного. «Почему не строить?» – «Если будет православная церковь – калмыки будут переходить в православие, а мне, как их высшему духовному лицу, это нежелательно». Купцы отказались от отступного и, из уважения к А. Чубанову, обещались церковь не строить.

Как-то я, уже во время Гражданской войны, с женой и дочерьми был в Платовской станице на калмыцком празднестве. Толпы нарядного, в национальных костюмах народа. Калмычки в роскошных цветных парчовых платьях. Широкие юбки до полу, косы в футлярах. Большие палатки, у одной палатки, на возвышении, Будда.

Вдруг послышались резкие пронзительные звуки. Гилюны парами, в своих красных одеяниях, с длинными серебряными трубами, шли процессией к Будде и трубили так страшно, как будто в день Страшного суда. Остановились около Буд-

ды, читались какие-то молитвы. Бакша из серебряного сосуда лил около Будды какую-то жидкость на металлический шар. Все время произносились молитвы. Масса калмык, съехавшихся на праздник из соседних станиц и хуторов и из зимовников, сидели прямо на траве, и у каждого в руках были небольшие узелки. Все это происходило на воздухе, рядом с хурулем, кружек для сбора пожертвований не было, и деньги клали на ограду, окаймлявшую хуруль¹⁰, и прилегающий к нему двор. Эти деньги после службы собирали назначенные для этого гилюны¹¹.

Когда Бакша Аркад Чубанов умер, купцы решили церковь строить.

Для освящения места для церкви пригласили епископа из Новочеркасска – 150 верст. Железной дороги тогда в наши степи не было, и архиерею пришлось это расстояние ехать в экипаже. Окружной атаман Сальского округа, не зная, как будут калмыки реагировать на православное богослужение в их станице, прислал туда для охраны сотню пеших казаков. В день освящения казаки оцепили площадь и внутри круга, где стоял аналой с крестом и Евангелием, пускали только православных. Началось богослужение, благополучно окончился молебен, но, когда начали прикладываться к кресту и Евангелию, калмыки толпой прорвали оцепление, бросились к архиерею и, падая на колени, целовали низ его ризы, а од-

¹⁰ Хурул – калмыцкий, монгольский буддийский храм. (Примеч. ред.)

¹¹ Имеется в виду гелюнг, калмыцкий и монгольский жрец. (Примеч. ред.)

ному удалось протиснуться к аналою, и он поцеловал крест.

Бакша Аркад Чубанов оказался прав. Многие калмыки начали переходить в православие, некоторые поступили в духовную семинарию и сделались священниками. Русские не любили ходить в церковь, когда служил священник-калмык, но все-таки ходили, а исповедоваться у калмыка ни за что не хотели. На это мне лично жаловался один священник-калмык.

Между прочим, Аркад Чубанов, совсем перед смертью, послал телеграмму отцу Иоанну Кронштадтскому²⁶ в сто слов. Содержание телеграммы неизвестно, но отец Иоанн Кронштадтский прислал в ответ только одно слово «поздно».

Воинскую повинность калмыки отбывали так же, как и казаки, так как приписаны были к казакам. Они служили в казачьих полках на собственных лошадях, в собственном обмундировании и в полку получали только казенную винтовку и металлическую пику. А когда пики в полках были деревянные, то должны были иметь и собственную пику. Калмыки хороши были в конном строю, как прирожденные наездники, но в пешем строю сильно отличались от казаков. Почти у всех калмык ноги были несколько искривлены дугой. Это было от постоянной езды верхом с раннего детства, а отчасти и потому, что у калмык принято было носить ребенка не так, как их носят русские и, вообще, все народы, а одна нога ребенка на животе матери, а другая на спине, и ребен-

ка женщина поддерживает одной рукой, другая свободна для работы. Ребенок от рождения сидит верхом на боку матери.

Грамотность среди калмык была мало распространена, но в девятисотых годах многие мальчики поступали в приходские и окружные училища, некоторые кончали гимназии или реальные училища, поступали в юнкерское училище в Новочеркасске и производились в офицеры. Некоторые оканчивали высшие учебные заведения.

Будучи еще кадетом, я расспрашивал калмыка, пришедшего по окончании службы в полку домой. «Ну как служилось? Били тебя?» – «Офицеры никогда не били, а один раз урядник ударил меня в ухо». – «За что?» – «Он скомандовал направо, а я повернулся налево, он и дал мне в ухо». – «Ну а ты что?» – «Я уже больше не ошибался». – «Сердился на урядника?» – «Нет, за что же? Я же ошибся».

Калмыки любили лошадей и хорошо за ними ухаживали. Офицеры старались в полках, где были калмыки, брать вестовыми к своим лошадям калмык.

Один офицер в 11-м полку привез из отпуска красавицу жену, позвал вестового по какому-то делу и потом, наедине, спросил его, понравилась ли ему его жена. «Нет, глаза большой, большой». Это вкус калмык. У них, почти у всех, глаза щелочками.

Когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли учиться в станицу Великокняжескую в пятидесяти верстах от нашего зимовника. Жил я там в семье судебного следователя и ходил

в частную школу учителя Жаркова. Я страшно скучал по домашним и по зимовнику, когда как-то приехал в станицу Бу-юндук с «гостинцами» от мамы, я этому калмыку обрадовался, как родному. Учитель Жарков был запойный пьяница, и иногда по неделям не было уроков. Придут ученики, а некоторые и жили у него, и им говорят: «Николай Кузьмич еще болен».

В девять лет меня отвезли в Новочеркасск, в ста верстах от зимовника, к учителю Дмитрию Андреевичу Неволину, который должен был подготовить меня к экзамену в кадетский корпус. Он был учителем приходского училища, но со мной занимался отдельно и только иногда звал меня писать диктовку с учениками.

О Дмитрие Андреевиче остались у меня самые лучшие воспоминания. Жил у Неволлиных, как в родной семье. Хорошо меня кормили и заботились обо мне. У них был прелестный мальчик – не помню, как его звали.

Глава 2

ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В 1890 – 1898 ГОДАХ

В 1890 году я поступил в Донской кадетский корпус²⁷ в Новочеркасске, который позже, когда я был уже офицером, был переименован в Донской Императора Александра III кадетский корпус и на погонах кадет, вместо букв «Д.К.», была буква «А» с цифрой «три» под ней. Пока были буквы «Д.К.», гимназисты и реалисты читали их вместо «Донской кадет» – «Дохлая крыса».

В 1890 году в корпус было подано много прошений, но после тщательного медицинского осмотра допущено было к вступительному экзамену четыреста с лишним мальчиков. Принято было 60, я выдержал экзамен четвертым и был зачислен в первый класс, в первое отделение.

В здании корпуса было три этажа, и построен он был в виде буквы «Ш». В первом этаже помещалась 3-я сотня – младший возраст, во втором 2-я сотня – средний возраст и в верхнем этаже – 1-я сотня, старшие классы. Классы помещались в том же этаже, где были спальни. Классы были большие, светлые, теплые. В корпусе было паровое отопление.

Вдоль всех классов была большая длинная комната, куда

кадеты выходили во время перемен. В этой же комнате стоял большой образ в киоте, а в конце комнаты была лестница и турник. В этой же комнате часто происходили строевые занятия.

Спальни были большие – на 150 кроватей. У каждой кровати тумбочка и в ногах табуретка. В начале дортуара – комната для дежурного воспитателя.

В нижнем этаже был гимнастический зал и рядом с ним фронтальный зал, в котором были спевки хора и уроки музыки на всех инструментах – духовых и струнных. Рояли стояли в других комнатах.

Во втором этаже, кроме классов и спальни, была учительская комната, физический кабинет и большая столовая, в которой обедали одновременно все кадеты корпуса – около 450 человек.

Три дежурных воспитателя всегда обедали одновременно с кадетами, и присутствовал всегда один из командиров сотен.

Из столовой был вход в церковь, и часть посторонней публики, не помещавшейся в церкви во время богослужений, стояла в столовой. Церковь была очень уютная, с мраморным иконостасом. Были красивые образа.

Выше столовой, на третьем этаже, был большой Сборный зал, в котором устраивались парады, концерты, балы. Там же были уроки танцев и занятия с пиками. Из Сборного зала был вход на хоры церкви, и через эти хоры надо было идти

в лазарет, под лазаретом была квартира директора корпуса. Командиры сотен жили недалеко от спален, а все преподаватели и воспитатели жили на частных квартирах.

Перед зданием корпуса был огромный плац с аллеями по краям и в середине. На этом плацу производились парады, устраивались Олимпийские игры и прочее.

С другой стороны здания был парк, в котором размещалось помещение для шелковичных червей. На царских воротах нашей церкви была занавесь из собственного шелка.

Недалеко от парка была запущенная Краснокуцкая роща. Прогулка в эту рощу была для нас праздником, но водили туда очень редко, так как на эту прогулку надо было потерять много времени, а его не было. Вся жизнь шла строго по расписанию, и пропускать уроки, конечно, было невозможно, я был в Краснокуцкой роще за семь лет обучения в корпусе только два раза.

Первое время здесь я очень скучал. В станице Великокняжеской и в Новочеркасске у Дмитрия Андреевича Неволина я жил в семье, со мной были очень ласковы и обращались как со своим. Здесь же я был чужой для всех, и сердце у меня сжималось. Помню первую ночь. Проснулся, понял, что я не дома, и так мне стало грустно, но от воспоминания, что сейчас я надену военную форму и гимнастерку с погонами, мне стало веселей. Вскоре я освоился с новой жизнью, и мне стало легче. Вставали мы в шесть часов утра (в праздники в семь). За десять минут до утренней зари трубач играл «по-

вестку», по которой должны были вставать дежурные. Ровно в шесть утра игралась «заря», и с последним звуком трубы из воспитательской комнаты, здесь же в спальне, выходил дежурный воспитатель и громко командовал: «Вставать». Все сто с лишним кадет сразу принимали вертикальное положение, садились и начинали одеваться. Никто не смел задержаться лежа ни одной секунды. Быстро вставали, одевались, чистились, умывались и шли в зал перед классами строиться у сотенного образа. Приходил воспитатель, осматривал каждого кадета – руки, уши, шею, сапоги – и командовал: «На молитву». Дежурный читал молитву, некоторые молитвы пели и потом строем шли в столовую. Когда все три сотни были в столовой, дежурный кадет 7-го класса по команде «На молитву» читал «Очи всех на Тя, Господи, уповают». После этого все садились и пили чай с французскими булками. По пятницам вместо французских булок давали серый хлеб с маслом.

От побудки до конца чаепития проходил час. От 7 до 8, в классах, – повторение выученных вчера уроков. От 8 до 11 три урока, и также, строем, – в столовую, завтракать. Завтрак всегда был очень хороший – одно блюдо, но очень сытное. После завтрака час строевых занятий и еще два урока до 3. От 3 до 4 прогулка. В 4 обед и опять прогулка до 6. От 6 до 8, в классах, при воспитателях, приготовление уроков к завтрашнему дню. Потом строем шли на вечерний чай и опять в зал перед классами, где перед сотенным образом читалась

и пелась вечерняя молитва, после которой 1-й и 2-й классы шли спать, а с 3-го класса и старше разрешали заниматься до 10 часов.

Кроме общепринятых предметов, в корпусе преподавали «ручной труд», столярное дело и музыку на всех струнных и духовых инструментах. В корпусе были прекрасные оркестры – струнный и духовой. Я играл в оркестре на скрипке, мой брат Филипп – на кларнете.

Первый год в корпусе я занимался очень мало, так как постоянно лежал в лазарете. Больше месяца я пролежал со «свинкой», много раз была ангина с высокой температурой и прочее. До поступления в корпус я, кроме кори в легкой форме, когда мы, дети, все сразу заболели, никакими болезнями не болел, а в корпусе по месяцам не выходил из лазарета. Маме посоветовали взять меня на отдых и до экзамена не допустили. Я остался на второй год. В следующие годы я, кажется, ни разу не болел.

В лазарет ежедневно сообщали из классов, какие уроки заданы на следующий день, но большинство, зная, что завтра не спросят, этих уроков не учили и, конечно, отставали. Был и специальный воспитатель – лазаретный войсковой старшина Вениамин Иванович Котельников. Он смотрел, чтобы кадеты не шалили и чтобы, как и в классах, от 6 до 8 все учили уроки. Старшие часто к нему обращались с просьбой решить задачу и выбирали потрудней. В.И. Котельников охотно это делал, иногда долго сидел на задачей и потом вскакивал и

кричал: «Решил-с, решил-с».

Доктор был Николай Васильевич Баженов – очень симпатичный и всеми любимый. Он хорошо относился к кадетам. Иногда принимал в лазарет на сутки и, отпуская, спрашивал: «От какого урока ушел?»

Потом войсковой старшина Котельников стал просить, чтобы ему дали на один год сотню кадет, чтобы иметь право быть произведенным в полковники. Ему дали 3-ю сотню, самых маленьких. Он откомандовал ею год, был произведен в полковники и не хочет сдавать сотню, его просят, а он не уходит. Не помню, как окончилась эта история, но как командир сотни младших кадет он был вполне хорош.

При мне командиром 3-й сотни был полковник Трусевич. Мало мы с ним соприкасались – приходил он к нам, когда надо было кого-либо выругать.

Командиром 2-й сотни был полковник Качура. Очень симпатичный, в некоторых классах он преподавал русский язык.

Командиром 1-й сотни был полковник Пантелеев. Строгий и на вид суровый. Преподавал в 7-м классе законоведение. Его боялись и очень уважали. Называли его Пантюшей. У него была привычка всегда держать в руках перочинный ножичек. Иногда он приглашал к себе в гости некоторых кадет старшего класса, угощал их и даже не возбранял у него курить.

Вообще же, за курение в корпусе сажали под арест на 10

часов. Курение считалось большим проступком.

Один раз, когда я был во 2-м классе, на перемене между уроками, когда все дети бегали в зале возле классов, вдруг неожиданно в сопровождении директора явился грозный войсковой атаман генерал князь Святополк-Мирский²⁸. На его приветствие, хотя не были в строю, дружно ответили: «Здравия желаем Вашему сиятельству». Потом он громко сделал замечание директору, что некоторые первоклассники неправильно держат пальцы по швам: «Вы не стесняйтесь сажать ваших воспитателей под арест, если что-либо не так». Потом вдруг крикнул: «Садись!» Сразу все сели на пол, где кто стоял. «Ну, дисциплина у вас есть. Встать». Все вскочили, и грозный атаман ушел.

Потом узнали, что в этот же день он объехал все учебные заведения, даже женскую гимназию и институт, и на всех нагнал страх и трепет.

Большинство преподавателей я уже не помню. Но в общем преподавательский персонал был очень хорош. Прекрасные были математики Николай Иванович Дьяков и Лимарев. Прекрасно объясняли, все было ясно и понятно. Н.И. Дьяков, войдя в класс, молча пройдет несколько раз от дверей к окнам и обратно, потом стукнет пальцем по столу со словами: «Ну, внимать». И опять молча пройдет по классу. Остановится, посмотрит на всех и как бы с сокрушением скажет: «Никто не слушает». – «Да ведь вы еще ничего не говорили», – возразят ему. «Да, ничего не говорил, потому

что не слушаете». После этого начинал объяснять урок.

У Н.И. Дьякова был прелестный крошечный сын, кадетик 1-го класса. Его взрослые кадеты сажали на шкаф и, когда он, чуть не плача, просил снять его со шкафа, велели кричать: «Я синус, мой отец косинус». После этого его отпускали.

Еще преследовали кадета Ушакова за его длинный нос и звали его бекасом. Все встречающие его считали своим долгом схватить его за нос. Через некоторое время он обратился к воспитателям с просьбой запретить кадетам хватать его нос, а то от этого на носу уже начали расти волосы¹².

Лучшим моим другом в корпусе был Вася Котельников. Он был на один класс старше меня и отлично учился. Помню, когда я был в 1-м классе, нам задали написать сочинение – «Памятный день в моей жизни». До тех пор я никогда сочинений не писал и не знал, как к этой работе приступить. Я рассказал Васе свой памятный день и просил написать это сочинение. Вася написал, но мне не понравилось, что он изменил характер нашей Манычи, и я сочинение переделал. Преподаватель на полях сделал замечание: «Написано хорошо, но невозможный период в тридцать строк». Вася упрекал меня: «Зачем же ты переделал?»

Вася Котельников жил в станице Великокняжеской и как-то летом приехал к нам на зимовник в гости, я пробовал пристрастить его к охоте, но безуспешно. От ружья он отказался

¹² Так у автора. (Примеч. ред.)

и заявил, что птичек убивать не будет, а только посмотрит, как я буду охотиться.

Сидим у лимана в кусте камыша, ждем пролета уток, и Вася что-то рассказывает. Я пригибаюсь и говорю: «Не шевелись, летят утки, если налетят, буду стрелять». Но это его совершенно не интересует, и он продолжает рассказывать совсем не относящееся ни к летящим уткам, ни вообще к охоте. По окончании кадетского корпуса Вася Котельников поступил в Инженерное училище, и мы потеряли друг друга. Во время Гражданской войны я встретил его в Новочеркасске, он был генералом инженерных войск.

В эмиграции мы переписывались. У него не в порядке было сердце, но он с семьей благополучно перелетел в Нью-Йорк из Германии и через несколько дней, сидя спокойно в кресле у себя в садике с газетой в руках, скоропостижно скончался. Остались пожилая вдова и дочь – инженер-строитель.

Замечательным в корпусе был законоучитель отец протоиерей Ляборинский²⁹. Он обладал даром слова и так хорошо рассказывал и объяснял, что его уроки были наслаждением. В церкви служил он также прекрасно.

Географию любили. Преподавал ее войсковой старшина Лепилин. За грубый голос его прозвали солдатом.

Невыносима была минералогия. Добрый симпатичный преподаватель, но на уроках его никто не слушал, было скучно, и многие ставили на бумаге палочки, когда он скажет

«так сказать». И таких «так сказать» было очень много.

На уроках рисования долго рисовали по клеточкам, потом по точкам, потом орнаменты и уже в конце рисовали модели рук, ног и другое.

Историю преподавал Н. В. К. Изводили его ужасно. Многими куплетами воспевали его в нашей «звериаде». «С утиным носом и в очках, без шеи, толстый и горбатый и на искривленных ногах». По числу учеников в классе писали самые глупые вопросы, которые каждый должен был задать в течение урока. Например: «Ваша жена – англичанка или американка?» Жена у него была русская. «За что вы получили Георгиевский крест?» Н. К. никогда не был на военной службе... Высмеивали его привычку говорить «ну-с?». Когда кадет, отвечающий урок, остановится и не знает, что говорить дальше, В. К. говорит: «Ну-с?»

«Звериада» воспевала в стихах все начальство и потому тщательно скрывалась, но однажды она была обнаружена, и господа педагоги ничего не придумали лучше, как прочитать ее вслух на ближайшем педагогическом совете. Один кадет плохого поведения, думая, что на этом педагогическом совете его исключат из корпуса, и желая знать, что о нем будут говорить, заранее незаметно спрятался за портьеру. Только за один этот поступок он подлежал бы исключению, но все прошло для него благополучно.

Читал «звериаду» помощник инспектора классов Генерального штаба подполковник барон Крюденер³⁰. Все вос-

питатели и преподаватели молча, без возражений, выслушали пасквиль на себя. Только директор в ответ на стих

Прощай, Романс, ты в жизни светской

Актрис своих не забывал

И в дар одной от брюк кадетских

Полулампасы оторвал...

сказал: «Какой вздор, я только исполнил Высочайший приказ». Раньше у казаков лампасы были шириной в три пальца, а после этого приказа стали в полтора пальца. Но гимназисты и реалисты в Новочеркасске продолжали носить лампасы прежней ширины. Этот приказ их не коснулся.

И еще на «звериаду» возразил Н. В. К. На стих, где высмеивали его привычку говорить «ну-с», он сказал: «Это вздор – я никогда не говорю «ну-с». Барон Крюденер остановился, думая, что Н. В. К. еще что-либо скажет, и Н. К., заметив это, обратился к нему: «Ну-с». Все громко рассмеялись.

Француз, статский советник Гаушильд, был милейший человек, но совсем не выучил нас французскому языку, и, кто знал французский язык до поступления в корпус, здесь его забывал. Я был хорошего поведения, никаких поступков нехороших за мной не было, но один раз, когда я был в 6-м классе, француз Гаушильд поймал меня читающим на его уроке «Анну Каренину». Эту книгу дал мне воспитатель с условием не читать на уроках. Книга из фундаментальной библиотеки. Гаушильд рассердился и со словами «Запишу в журнал» отобрал книгу. Весь класс начал просить Гаушиль-

да: «Не записывайте, Балабин хорошего поведения, и вдруг запись, оставят воскресенье без отпуска». Видно, что и Гаушильд не хотелось записывать, но как выйти из положения? Наконец один кадет догадался: «Ведь Балабин переводил «Анну Каренину» на французский язык». – «А, на французский язык? – Гаушильд захлопнул журнал и ко мне: – Расскажите «Анну Каренину» по-французски». Мне и по-русски трудно было бы рассказать, ну а по-французски я, конечно, ничего не мог сказать. Опять спас голос из класса: «Балабин стесняется дать отзыв о такой женщине, как Анна Каренина». – «И такие книги читает кадет». – «Да ведь это замечательное произведение знаменитого Л.Н. Толстого». В это время сигнал из классов: «Всадник – перестань, отбой был дан, остановись». И Гаушильд, как всегда, быстро выскочил из класса, не успевши меня записать.

Кроме фундаментальной библиотеки, в каждой сотне были свои библиотечки, которыми заведовали, по назначению воспитателей, сами кадеты. Выдавали эти книги каждый день после уроков и в этот же день сдавали их перед вечерними занятиями около шести часов вечера.

Был в корпусе хороший преподаватель гимнастики Захаров. Гимнастикой увлекались, и кроме прекрасного гимнастического зала в каждой сотне была лестница и турник. На каждой перемене можно было упражняться, и многие достигали больших успехов.

Физику очень любили. Преподаватель Попов хорошо объ-

яснял, показывал много опытов, но вместо «стекло» говорил «стякло» – так его и прозвали.

Весь год в 5-м классе учили церковнославянскую грамматику. Ее не любили, но преподаватель Ратмиров на первом уроке сказал: «Я вам обещаю, что все вы будете хорошо знать церковнославянскую грамматику, но некоторые, благо-разумные, будут сразу ее учить, она совсем не трудна, а неко-торые выучат после многих неприятностей, неудовлетвори-тельных отметок, наказаний и прочего. Советую об этом по-думать». И действительно, все выучили.

Воспитателем у меня был в первых пяти классах поручик, а потом подъесаул Орлов, а в 6-м и 7-м классах – войсковой старшина Власов. Оба были очень хорошие. Орлов любил читать наставления и выговоры и иногда читал их по полча-са. Спросили кадета Захаревского: «Что он тебе так долго говорил?» – «А я не слушал, я смотрел в землю и читал «От-че наш».

Много у нас было воспитателей не казаков, пехотных офи-церов, и они вели кадет только до 5-го класса включительно, так как в шестых и седьмых классах, где были уроки верхо-вой езды и занятия с пиками, воспитателями были казаки.

Производство у воспитателей было у обер-офицеров че-рез два года, а чин войскового старшины давали через три года. Этим карьера кончалась. Чтобы быть произведенным в полковники, надо было получить сотню кадет. Сотен же бы-ло только три, а воспитателей пятнадцать. Когда откроется

вакансия? Когда дождешься, чтобы командир сотни ушел и освободил место?

В полках производство обер-офицеров через четыре года. В штабс-капитаны попадали через восемь лет. В чине штабс-капитана тоже надо было пробыть четыре года и тогда ждать очереди, когда освободится рота, чтобы быть произведенным в капитаны. Иногда эту роту штабс-капитаны ждали больше десяти лет. И если штабс-капитан получал роту раньше, он все равно не мог быть произведенным в капитаны, пока не прослужит штабс-капитаном четыре года. В кадетском корпусе офицер, произведенный в полку в поручики и поступивший в кадетский корпус, за семь лет производился в подполковники, когда его товарищи в полку были только штабс-капитаны. Но возвращаться в полк, обогнав своих сослуживцев в полку, воспитателям не разрешалось.

Инспектором классов в корпусе был полковник артиллерии Линевиц, симпатичный и очень строгий. Помню случай: звонков в корпусе не было – вся жизнь была по кавалерийским сигналам двух трубачей, которые отбывали воинскую повинность, служа в корпусе. По классам, после перемены, играли «сбор» («Сберитесь, сомкнитесь» и т. д.), а из классов на перемену – «отбой» («Всадник – перестань, отбой был дан, остановись»). Один раз трубач дал отбой на 20 минут раньше времени. Инспектор спустился на несколько ступеней по лестнице и строго трубачу: «Почему раньше времени дал сигнал?» – «Обмяшулился, Ваше высокоблагородие».

Инспектор, не казак, не слышал раньше казачьих выражений, расхохотался и возвратился в инспекторскую.

Помощником инспектора классов был Генерального штаба подполковник барон Крюденер. Он ушел из строя потому, что ему на изысканиях, где-то в Памире, свело шею, и он уже не мог оставаться в строю.

Директором был генерал-майор Анчутин³¹ – очень воспитанный, гуманный, заботливый. Он оставил после себя самую хорошую память. Он поощрял музыку, пение, устраивал концерты... При нем в корпусе прекрасно пел хор и был отличный оркестр. Помню такой случай: раньше переход из класса в класс происходил только по экзаменам. По годовым отметкам стали переводить позже, когда я был уже офицером. Второклассники очень боялись экзамена по арифметике, и вдруг на экзамен явился сам директор генерал Анчутин. Слабо знающие арифметику совсем перепугались. Директор, не вызывая к доске, как экзаменовали до прихода, стал задавать вопросы разным ученикам. Спрошенный вставал и отвечал с места; проэкзаменовав так минут двадцать, директор сказал: «Спасибо, дети, вижу, что все знаете хорошо, все выдержали экзамен и сегодня за отличные ответы все получите по апельсину». Мы, конечно, были в восторге.

Преподавателем пения и музыки был Иван Яковлевич Жихор. Он был большой труженик. Терпеливо разучивал вещи на спевках и только иногда, рассердившись, кричал: «Дисканты, дисканты, как пьяные бабы на подушках». В

классе проходили теорию музыки по его программе. Иван Яковлевич вызывал и ставил отметки. Часто пели классом, и, чтобы не мешать соседним классам, он уводил свой класс или в столовую, или в Сборный зал. Учитель хорошо играл на виолончели, на скрипке и на всех духовых инструментах и успешно управлял хором.

Оркестром балалаечников управлял воспитатель, войсковой старшина Смирнов. Он же свирепо преподавал бой на эскадронах¹³. Во время вольного боя никто не мог нанести ему удар, так ловко он защищался, один раз мне удалось его ударить. Он крикнул, рассвирепел и буквально избил меня. Он так свирепо наносил мне удары по голове, что от маски летели искры... Преподаватель боя на рапирах был спокойнее – не помню его фамилии.

Езду преподавал в каждом отделении свой воспитатель. Лошадей приводили из местной казачьей команды. Урок езды, конечно, очень любили. Надевали высокие сапоги до колен и чувствовали себя совсем взрослыми кавалеристами.

Войсковой старшина Смирнов лечил заик. Был кадет Захаров, который страшно заикался. Когда он плохо знал урок, то у доски он только заикался и ничего нельзя было разобрать из того, что он говорит. И еще очень заикался, когда его разозлят. Войсковой старшина Смирнов так его выле-

¹³ Эскадрон (*фр.* espadron) – учебное оружие, колющее и рубящее, с несколько изогнутым (наподобие сабли) или прямым клинком, применяемое в фехтовании. Длина клинка обычно 90 см. (*Примеч. ред.*)

чил, что Захаров на музыкально-вокальном концерте говорил длинное стихотворение ни разу не заикнувшись.

Концерты мы очень любили. Певчие и состоящие в оркестре имели право пригласить на концерт своих знакомых, а я, как состоявший и в хоре, и в оркестре (на скрипке), имел всегда два пригласительных билета. В церковном хоре я пел только до 5-го класса, а потом был прислужником в церкви, в светском хоре пел во все время нахождения в корпусе, сначала дискантом, а потом тенором.

Оркестр играл так хорошо, что некоторые не верили, что играют только кадеты, думая, что среди кадет есть переодетые музыканты из воинского оркестра.

Певчих иногда водили в город на концерты приезжающих знаменитостей. А один раз, когда я был во 2-м классе, всю 3-ю сотню водили в городской театр на «Велизария». Я был очарован и долго жил под впечатлением этого представления. Это было мое первое посещение театра.

Как-то приехал и жил в помещении корпуса знаменитый артист Славянский со своим хором. Он был приятелем нашего директора. Славянский давал концерты и в городе, и у нас, а один раз кадетский хор пел под управлением Славянского, который и запевал. Некоторые его песни до сих пор у меня в памяти.

Как-то ходили в город, в цирк, посмотреть знаменитого Дурова¹⁴. Самое большое впечатление произвел на меня номер

¹⁴ Дуров Владимир Леонидович, – основатель цирковой династии Дуровых,

с козлом: на арене в маленький экипаж запряжена собака. На арену важно выходит козел. Дуров приказывает ему сесть в экипаж. Козел не желает. Дуров силой хочет его посадить – козел упирается и не идет. Дуров начинает бить его, но без результата. Дуров отходит от козла, минутку задумывается и вдруг говорит: «А ведь я забыл, что теперь со всякой скотиной надо обращаться вежливо». Подходит к козлу, расшаркивается и, сняв свой цилиндр, говорит: «Господин козел, будьте добры, сядьте в экипаж». Козел, важно тряхнув бородой, сел по-человечески в экипаж, и собака повезла его по арене под страшные аплодисменты.

В городе жили две мои старенькие тетушки, и у них жили их родственники – Гриша и Степа. Я и брат по праздникам, после литургии, ходили к ним до 8 часов вечера. Гриша потом поступил в корпус и окончил его. А на Рождество и на Пасху мы всегда ездили на зимовник.

Гришу не допустили до экзамена в 1-й класс, так как его отец двух месяцев не дослужил до десяти лет в офицерском чине – был убит. Подали прошение на Высочайшее имя, и на следующий год Гриша поступил прямо во 2-й класс.

Старший брат, Николай, учился в Киевском кадетском корпусе, так как в его время Донского корпуса еще не было. Один раз, кадетом 2-го класса, он ехал на Пасху домой на

родился 8 декабря 1864 г. в Москве. В 1879 г. состоялся его дебют в балагане, где он выступал как акробат, эквилибрист, жонглер. В 1882 г. в воронежском цирке начал впервые демонстрировать дрессированных животных. (*Примеч. ред.*)

зимовник. Из Киева по железной дороге приехал в станицу Аксайскую, и дальше надо было ехать 120 верст на лошадах. О своем приезде он не предупредил, и лошади за ним не были высланы. Он приехал в станицу Аксайскую в Страстную субботу. Ходил по дворам и просил казаков, чтобы кто-либо довез его до зимовника. Никто не хотел под такой большой праздник уезжать из дома. Наконец один согласился довести его до станицы Ольгинской соединенным с Аксаем семиверстным мостом через Дон... Расплатившись с этим казак в станице Ольгинской, брат опять пошел с чемоданчиком по дворам, прося довести его до зимовника. Никто не соглашался. Наконец один казак говорит ему: «Подожди, барчук, пойдем вместе в церковь к заутрени, потом ты у нас разговеешься, и я тебя повезу, мне надо «неука» выездить – еще ни разу не запрягал его, вот по дороге к зимовнику и выучится». Помолились, разговелись и поехали.

Необученная дикая лошадь сразу понеслась в карьер. Сначала приятно было – скорее доедем. Потом, видя, что уж очень долго лошадь скачет, брат говорит: «Надо перевести лошадь в шаг, а то запалится». – «Нет, замучается, сама остановится». Через несколько минут брат опять говорит: «Пропадет лошадь, надо остановить, я с рождения живу на конском заводе и знаю, что лошадь, да еще не втянутая в работу, не может десять верст скакать без передышки». Не желает казак слушать одиннадцатилетнего мальчика. Вдруг лошадь перешла в шаг, прошла два шага, упала и околела.

Взвыл казак. Что теперь будем делать? В праздник никто не ездит, никто не поможет. Наконец, на горизонте показывается подвода. «Видишь подводу? Может, и разбойники какие едут? Бери чемоданчик и беги скорей спрячься вон в том бурьяне». Подъехали незнакомые, пьяные и начали кричать и ругать казака: «Ты что за человек, почему лошадь сдохла? Загнал, запалил?» – «Ну что же вы меня ругаете. У меня такое несчастье, а вы еще ругаете». – «А это что за шинелишка?» Пришлось признаться, что вез кадета, да он в бурьяне спрятался. «Эй, барчук, иди сюда». Расспросили брата и решают: «Мы барчука доведем до ближайшего хутора Мало-Западенского, а ты жди, отвезем барчука и тебе поможем». В Западенке ни за что не захотели взять плату и уехали. И снова брат пошел по дворам. На первый день Пасхи все пьяные, все угощают, просят разговеться, а везти соглашались только на второй день, в одной хате спрашивают: «А вы чьи такие будете?» – «Я Балабин». – «А войсковой старшина Балабин Федор Николаевич не сродствия вам будут?» – «Это мой дядя, он сейчас у нас на зимовнике». – «Федор Николаевич на зимовнике? Сейчас поедем, иду запрягать». Все 50 верст до зимовника казак рассказывал про Федора Николаевича. «Ведь это мой командир сотни в Турецкую войну. Это командир, каких не найти, отец-командир. Как глянем на него, так сердце загорается. Один раз видим: надо бы атаковать, а командира нет, замаялись и не идем. Вдруг кто-то крикнул: «Командир». Смотрим – несется карьером и шапку

держит над головой к атаке. Так мы, не ожидая его, бросились на турок и всех изрубили и побрали в плен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.